

№ 20
14.04.04

№22 (952) 01.04—04.04.2004 г.
Новая газ

Гурский след

У Льва ГУРСКОГО, автора политических детективов «Убить президента», «Спасти президента», «Перемена мест», по которому снят сериал «Досье детектива Дубровского», вышел новый роман «Траектория копы». Спрашивается, зачем? Современный политический детектив сегодня не в моде.

Во-первых, его не может написать женщина (для этого ей надо как минимум читать газеты, категорически противопоказанные организму), что является грубым нарушением конвенции: коммерческие жанры у нас строго поделены. Мальчикам — боевики, девочкам — детективы. Во-вторых, журналисты недаром едят свой хлеб. В-третьих, граждане охладели к политике — и к натуральной, и к художественно переработанной. Их не занимают ни потускневшее на фоне яиц Фаберже золото партии, ни биографии трупов под кремлевскими коврами.

Все эти соображения я выложила Льву Гурскому в первую минуту интервью. Больше никаких усилий от меня не потребовалось. С писателями всегда так. Слегка царпанешь по самолюбию и после нужно лишь не забывать переворачивать кассету и время от времени то одобрительно кивать головой, то недоверчиво хмыкать...

— Политический детектив — это не обязательно труп в кремлевском кабинете, не к ночи помянутый вами. И уж тем более не менее мифическое и вожденное, чем библиотека Ивана Грозного, золото партии. Это прежде всего литература о том, как неожиданны и странны взаимодействия простого человека с большой политикой и как он может при желании повлиять на нее. Политический детектив обнажает перед обывателем некий, невидимый им, но подозреваемый механизм существующей жизни. Как на самом деле все происходит. Все не случайно, все не зря. Какого-то никому не известного Ивана Ивановича стукнули по башке, а на самом деле это рядовое преступление имело далеко идущие последствия и кончалось, например, неподписанием договора между США и Россией.

Политический детектив дает обывателю ощущение если не власти над обстоятельствами, то, по крайней мере, причастности к ним. Журналистике такой фокус недоступен. Ее ограничивает требование правдоподобия. Если бы «Байки кремлевского диггера» были написаны в жанре детектива, тогда то обстоятельство, что главным действующим лицом российской политики последнего десятилетия оказалась Елена Трегубова, выглядело бы совершенно нормально.

Вообще политическому детективу в России не везло с рождения. На Западе он возник в конце девятнадцатого века, когда нашей стране было уже не до него. С одной стороны, подпирала классика, с другой — хватало Ната Пинкертон, и, наконец, детективом у нас занимались, как правило, сволочи, которые чуяли носом запах гниющей империи. Это был низкий жанр во всех смыслах, и приличный человек об него не марался.

В Советском Союзе политический детектив не существовал по понятным причинам — за отсутствием политической жизни. Он легализовался в конце восьмидесятых. Точка отсчета — «Журналист для Брежнева» и «Красная площадь» Тополя и Незнанского. Они и задали основной пафос жанра — гнусная изнанка олимпийских игр. Политический детектив эпохи ранней перестройки был яростно антисоветским и в этом смысле переблю-

Этому жанру в России не везло с рождения, но, кажется, его ждет расцвет

Виктория ИВЛЕВА

олигархи, у одних есть спонсоры на Западе, другие ориентируются на Саддама Хусейна. Журналисты ощущают себя силой, способной на что-то влиять, то же чувство у бизнесменов. Частный человек может в одночасье стать человеком государственным, не будучи назначен, а с низкого старта пройти очень быстро некую эво-

люцию от завлаба до министра. Откуда делегировались многие чиновники 90-х? Из итээровской среды, из экономистов, кандидатов наук. Возможность перескока через звания давала ощущения фантастичности, нереальности. Повсюду царил сюр.

Чего стоили одни взаимоотношения Ельцина со своим окружением! Не нравился Борису Николаевичу человек — уходила вся структура, все министерство. Существовал Совет безопасности, а при нем Бурбулис. Надоел Бурбулис — не его изъехали из обращения, а весь совет. Поднял путч Ручкой — исчезло само понятие

ков, вот мечтательный Кириенко с распахнутыми по-мальчишески глазами, вот подозрительный ко всему и неуверенный во всем Степашин. Ни в какие доселе существующие жанры это не вписывалось. А в политический детектив — вписывалось.

Потому что домыслить подоплеку идиотских реше-

ков, зомбированных и послушных своим создателям клонов. Естественно, такого не могло быть. Но доведение тенденции до абсурда и есть тот художественный прием политического детектива, который оправдывает его существование и помогает ему выполнять свою психотерапевтическую функцию.

Когда явление дается один в один — это журналистика, и поводов для веселья нет. Когда оно увеличено в сто раз — это уже смешно и способно вызвать ряды. Человек читает, читает и вдруг осознает — его морочат. Ему, во-первых, приятно, что он понимает, где правда, а где писательские враки, во-вторых, десакрализация власти, культивируемая новым политическим детективом, дает ему ощущение внутренней свободы. Неважно, насколько оно иллюзорно.

Сейчас соблазнов пофантазировать становится все меньше и меньше. Над ельцинской политикой смеяться было легко, она сама была смешной, и он не обижался, и было чувство взаимной игры. Сейчас даже выйти на Красную площадь и выкрикнуть: «Президент — дурак» — уже не хулиганство, а акт гражданского мужества.

Я не люблю лимоновцев и не хочу сочувствовать малолетним придуркам, у которых хватает смелости запустить яйцом в чиновника. Но меня на это толкают, лишив возможности самовыразиться иным способом. Прежде для отдохновения у меня были парламент и оппозиция, а теперь остались маргиналы, яйцететели, советские тетки с халами, дядечки с периферии в тяжелых пиджаках на фоне интерьеров, максимально приближенных к Дворцу съездов, и Путин. Наверняка где-нибудь в администрации президента по-прежнему плетутся интриги, но это никого не колышет. Потому что все однородно и предсказуемо.

Боюсь, что очень скоро политический детектив не сможет существовать в том виде, в котором он существовал до сих пор. Я не исключаю, что однажды вернется тот период, с какого мы начали. Как в конце восьмидесятых, когда пресса еще молчала, а уже вышли «Дети Арбата», в ней еще не трогали Сталина, а страна уже прочла и Гроссмана, и Тендрякова.

Если общество вернется к тому же состоянию, когда в газетах уже ничего нет, а в книгах еще что-то осталось, то нас ожидает воплеск интереса к политическому детективу. Но я от него заранее отказываюсь, потому что за этим неизбежно наступит полная темнота и не будет уже ничего, кроме злобных диверсантов и лубочных миллионеров.

Трое из них, очень вежливых и розовых, буквально вчера, проверяя документы на станции метро «Шаболовка», очень технично и безболезненно облегчили мой кошелек на тысячу рублей. Хотя... Чем сильнее отвердевает политика, тем больше у писателя должно быть соблазнов над ней поиздеваться. Главное, чтобы не мешал инстинкт самосохранения.

Или «Перемена мест», где две трети Госдумы состоят из подменных двойни-

Записала
Лилия ГУЦИНА

Детектив Дубровский в администрации президента

нул все западные образцы. Какой-нибудь «Парк Горького» рядом с отечественным продуктом выглядел детским лепетом на лужайке. К середине девяностых мы всем этим перекушались. Серьезное отношение исчерпало себя. Оно стало раздражать. Реальность оказалась слишком сумасшедшей и нелепой. Спасти жанр могла только ирония, доведенная до гротеска. И спасла.

При Ельцине политический детектив, замешанный на издевке или фантастике, просто процветал. Кремлевские группировки,

вице-президента. Или министерская чехарда последнего года правления первого президента. У меня было ощущение, что Ельцин прочел «Историю одного города» и устроил перформанс из персонажей: вот классический советский чиновник Прима-

ний было самым большим кайфом. Мой роман «Спасти президента» и родился из реальной фантазмагии, когда президент вроде бы был и в то же время непонятно, жив он или умер. Писать о том, что мы выбираем полумертвого президента, — это политический триллер. Я же сделал из четырех кандидатов четырех покойников. В итоге из балотирующихся трупов выбрали тот, который будет служить интересам демократии.

Смеяться над ельцинской политикой было легко и безопасно, над путинской — скучно, но придется